

ВЫХОД

АЛЁНА
ЗАГУЛЯЕВА

ЧЕРЕЗ

СЕВЕР

Алёна Загуляева
Выход через север

«Автор»

2026

Загуляева А.

Выход через север / А. Загуляева — «Автор», 2026

Двенадцать лет, инженер Павел Яковлевич Мазов изобретал прибор, который способен переводить вибрации Земли в новый вид энергии. Фанатично увлечённый своим открытием, он не вникал в то, что происходит в стране и в его личной жизни. Когда до защиты его научно-исследовательской работы остаётся один день, сразу два предательства обрушиваются на него. Его любимая укатывает в Сингапур к более продвинутому учёному, прихватив все Пашкины накопления. А его начальник сдвигает сроки защиты проекта, намекая, что "ему не нужно быть первым". Крах инженерной карьеры и крах личной жизни опустошают Пашку настолько, что он совершает необдуманный поступок. Но, по воле Бога он попадает в мир на 150 лет вперёд, где ему предстоит встретить истинную любовь; увидеть, к чему придёт человечество, если он откажется от своего изобретения и оказаться в ловушке, выход из которой через...

© Загуляева А., 2026

© Автор, 2026

Алёна Загуляева

Выход через север

Глава 1

Храм поражал своим величием, он зазывал Пашку войди внутрь, желая отвлечь его от роковой ошибки.

Но мозг Павла Яковлевича Мазова был занят культивированием своей обиды. Поэтому ни величия Храма, ни призыва войти внутрь, Пашка не заметил.

Тогда Храм предпринял последнюю попытку, заголосив многозвучием своих колоколов, он изливал на Пашку благодать и умиротворение.

Пашка отмахнулся рукой и от этого. Громко под звон колоколов крикнул: «К чёрту вас всех с вашими разработками!»

Ловко, в два рывка, перемахнул через чугунные перила Грибоедовского канала и неуклюжей креветкой плюхнулся в воду. Как только холод воды коснулся тела Пашки, его мозг сгенерировал фразу: «Ну вот и всё». Тело закрутилось волчком, благо оно сохранило позу креветки и крутиться было легко.

В следующую секунду время перекинуло Пашку к событиям двухмесячной давности. И те микросекунды, пока Пашка-креветка шёл ко дну, он одновременно проживал последние два месяца своего краха.

Крах инженерной карьеры Пашки начался в День Победы России, его завершающий этап пришёлся на День Великой Победы СССР.

Все чаты, сообщества и каналы сошли с ума. Интернет мигал и кричал, оповещая каждого о победе, не оставляя никому шансов остаться не информированным. Удивительно странно праздновать победу буквами. Люди печатали и отправляли сообщения, пересылали друг другу напечатанное кем-то, добавляя от себя смайлы. Каждый истинный россиянин ликовал, но догадаться об этом можно было только прочитав его переписку.

— «Тихая победа», так уже окрестили, представляешь, — Ольга оторвалась от телефона и взглянула на Пашку. Тот увлечённо перепроверял расчёты, близоручко прильнув к экрану своего ноутбука.

— Да, я рад... — рассеянно ответил Пашка.

В этот исторический момент он был поглощён подготовкой к завтрашней презентации его научно-исследовательской работы.

Двенадцать лет Пашка шёл к этому дню. Ещё с института он увлёкся альтернативными источниками возобновляемой энергии. Грезил об открытии прибора, который смог бы переводить вибрации Земли в полезную энергию. Защитил диплом на тему «геотермальные источники энергии». А затем, фанатично занялся разработками уже своего направления в научном центре «Возобновляемые виды энергии и установки на их основе».

Пашке не давало покоя то, что вибрации Земли по замерам резонанса Шумана за последние 50 лет стали повышаться. Он самоотверженно работал над созданием волнового преобразователя вибраций земли в энергию. Он верил, что с открытием этого изобретения, Земля способна стать основным источником обеспечения энергией в промышленности, робототехники, а также для сельхозтехники и транспорта. Пашка видел в этом огромные перспективы, вплоть

до космических. Правда о своих грёзах он помалкивал, дабы соответствовать статусу старшего научного сотрудника, боясь обрести клеймо лжеучёного.

Добившись устойчивых промежуточных результатов шесть месяцев назад, Пашка готовился представить научному миру свою работу.

Ольга, его помощница и вдохновительница, верила в неминуемый успех. Пашка с волнением ждал учёного совета, который может дать большие возможности его проекту в виде господдержки.

— Оля, вот представь, нас одобряют, и мы забабахаем! — на слове «забабахаем» Пашка обеими руками взлохматил волосы, а затем снова прильнул к экрану ноутбука. Три завитка-пружинки так и остались торчать на самой макушке учёного.

Ольга, проходя мимо, остановилась за спиной Пашки, её рука так и тянулась расправить взволнованные пружинки.

Пашка резко обернулся:

— Ты чего?

— Ничего, — Оля поправила очки и резко развернулась на девяносто градусов телом, забыв от неожиданности передвинуть ноги. Случилось недосальто. Ольга, падая, схватилась за спинку Пашкиного кресла и удержалась. А вот очки от таких поворотов слетели с мышинового носика помощницы, ударились об пол, правая линза треснула.

Пашка соскочил, нервно поднял очки:

— Оля, устал повторять: когда я работаю с формулами не ходить у меня за спиной. Ты мне сбиваешь настрой.

Оля медленно закивала, подобно нефтекачалке, взяла очки из рук Павла и мышкой юркнула в коридор. Через минуту Пашка уже не помнил про Ольгу и её недосальто, он всё так же близоруко смотрел в монитор, погружённый в свою работу.

Приближение Степан Степаныча можно было услышать заблаговременно. Уважаемый руководитель научного центра, 69 лет от роду, всезнающий, от того немного устаревший, имел привычку шаркать ногами во время ходьбы. Глухие коридоры центра преувеличивали звуки его шарканья и превращали их в звуки шипящего кипятком чайника.

Впрочем, характеру Степан Степаныча вполне соответствовали эти звуки. Он закипал быстрее, чем самый скоростной чайник и держал градус кипения дольше, чем самый прогрессивный термос.

Пашка услышав опасное шарканье, закрыл ноутбук и метнулся в дальний угол лаборатории к своему изобретению. Через десять секунд дверь распахнулась и вошёл Степан Степанович.

— Что творится. Вы видели? Мир перевернулся..., — он глазами искал что-то и закипающим тоном спросил, — Где Курьева? Что за беготня в рабочее время?

Пашка уже знал, либо он сейчас быстро охлаждает начальника, либо... Нет, второго либо он не желал. Поэтому официальным тоном заявил:

— Степан Степаныч, у нас всё готово к завтрашнему совету. Ольга ушла за расходными материалами.

Краснолицый по своей природе Степан Степаныч предельно побагровел, перебил Пашку и надрывно произнёс:

— Завтрашний день объявлен выходным, в честь Тихой... Главной Победы! Заседание перенесли на после майских. В приоритете у нас подготовка к конгрессу... сам должен понимать, — Степан Степаныч поперхнулся, рыхлое лицо стало ещё багровее, что означало, начальник в диссонансе.

Изящно выстроенные мечты Пашки, о доподлинном финансировании, рухнули.
«Снова месяцы ожиданий!»

В теле Пашки поднималась волна негодования и усиливалась волной дерзновения. Он уже был готов рьяно наброситься на несправедливость в лице Степан Степаныча, за то, что тот ценность его разработки поставил ниже ценности конгресса.

Первое слово уже готово было вылететь миномётным снарядом в сторону начальника, но ненавистная всеми сотрудниками знаменитая фраза Степан Степаныча, сбила весь его настрой.

— Давай, займись корректировкой-балансировкой и тому подобное... — уже менее раздражённым тоном отрезал начальник.

Каждый сотрудник этого научного центра знал, если Степаныч начинает про корректировку-балансировку — дело труба. Именно этой фразой он утихомиривал великие баталии между научными работниками, убегал от решения важных вопросов и охлаждал пыл неудобных подчинённых.

Этой фразой-отмазкой Степан Степаныч поставил крест на попытках Пашки стовориться о заседании по его вопросу на ближайшее время.

Пашка прогуливался вдоль родного канала Грибоедова. Ему необходимо было успокоиться. Это место всегда его успокаивало. Здесь он бродил и обдумывал своё изобретение, здесь ему приходили самые светлые идеи, здесь он восстанавливался после тяжёлых неудач в работе. Жил Пашка в доме 22 в переулке Гривцова, а точнее снимал там квартиру уже как лет пять. Родился и вырос же он в доме на Гороховой улице, это совсем рядом и там обитала его матушка.

Тихая Победа набирала свои обороты. Она уже переставала оправдывать название, которым её окрестили. На улице было ещё светло, люди стягивались к каналу и шумно перекидывались счастьем в виде сложенных сердечек из пальцев. Кто-то шустрый уже успел придумать это жест, как символ Тихой Победы — открытое сердце. Остальные дружно подхватили и перекидывание счастья началось. Сначала молча и с улыбкой, но во второй половине дня с криками: «За нашу Тихую Победу», «Лови счастье», «Ура, Победа за нами», «От сердца к сердцу - мы вместе».

Набережная рокотала и мигала летящими сердечками счастья. Люди ликовали, но осторожно, словно боялись спугнуть то счастье, которое витало в воздухе.

Пашка злился на всех. Отчего-то на Победу он злился особенно. Он не очень активно вникал в политические события страны, ещё меньше он интересовался событиями СВО. Пашка, увлечённый своим изобретением, был полностью погружен в этот процесс и занял нейтральную позицию: «Я об этом не говорю», «Слышать ничего не хочу», «Мне некогда заниматься этим — у меня разработка».

Так он отвечал всем, кто пытался втянуть его в события, происходящие в стране. А таких желающих было несколько человек: его мама Нелли Егоровна, неугомонная активистка; его помощница Ольга; человек семь коллег, которые особенно переживали за всё происходящее и неумоимо следили за всеми новостями, как российских СМИ, так и западных; его любовь, удивительная красавица Нелли, которая не любила всё русское, но уехать из страны в силу финансовых обстоятельств она не могла, от чего ещё больше недолюбливала Россию, поэтому собирала все фейки и вечерами вливала их в уши Пашки. Тот не сильно вникал, по своей привычке и как только Нелли начинала фейковый обзор, Пашка начинал в голове подводить итоги дня.

Нелли Егоровне, маме Пашки, очень не нравилась Нелли-невеста. Во-первых, две Нелли в одной семье — это издевательство. Во-вторых, она видела в ней женщину-качалку. Да, так и называла её: женщина-качалка.

— Она выкачивает из тебя энергию. Деньги. И твои все идеи она тоже выкачает. И настанет день, помани моё слово, когда ты выкачанный до самых помидор окажешься на краю обрыва, — мама обычно продолжала подробности про край обрыва, но Пашка на этом моменте уже убирал телефон от уха и не слушал бредни своей слишком активной матери.

Если подвести итог, то почти всё окружение Пашки было вовлечено в переживания за происходящее в стране. Но были и те, кто уехали.

Его близкий друг и прямой конкурент по разработкам Валентин, перед самым началом войны очень ловко уехал на отдых в Сингапур, да там и остался. Так же ловко нашёл там применение своему таланту и даже зазывал Пашку, намекая, что ничего хорошего «там» уже не будет. Под словом «там» он подразумевал Россию, но произносить вслух страну, которая его взрастила он не решался, опасаясь какой-то прослушки. Отчего за три года их общение плавно свелось к редким переключкам, состоящим из общих фраз.

Ещё несколько приятелей Пашки просто уехали из России в Азию. Они переписывались и поддерживали Пашку в его работе. Планировали вернуться, а пока работали на удалёнке.

Пашке не было никакого дела до всех этих каруселей, его внимание занимала только его разработка и его главная цель — добиться устойчивых результатов в испытаниях. У него отлично получалось быть нейтральным ко всему происходящему. Но этот день выбил его из нейтралки и когда вся страна праздновала и объединялась через буквы и сердца, Пашка отделился от всех с бешеной скоростью.

В нём поселилась обида за то, что его дело жизни рухнуло под ликованием Тихой Победы.

Домой не хотелось идти совсем. Пашка привычно облокотился на чугунные перила и смотрел на небольшой ледяной островок по центру канала. Хмурые утки прогуливались по островку, казалось им тоже было обидно, что сегодня никто не кидает им хлеб, все заняты перекидыванием сердец счастья друг другу.

Начало смеркаться. Влажный воздух ёжиком забирался под короткую куртку Пашки. Пора домой.

Нелли с порога заявила:

— Ты где ходишь? Тут такое! Эта дичь закончилась. Слышал? Звонил Валик, он срочно вызывает тебя к нему на обсудить, там такое! Ты почему не отвечаешь на его звонки? Он сказал денег немерено. Я с тобой Павел еду — это решено! Ты звони в институт, требуй отпуск за свой счёт, — Нелли не давала Пашке сказать ни слова, тараторила новости и выдавала готовые решения по ним. — Я забронировала билеты на послезавтра. Квартиру мы пока не отменяем, мало ли что. Тем более там такие деньги, что эти копейки за съём нам погодой не повлияют...

— Погоды не сделают! — резко вклинится Пашка.

— Я о том и говорю, — подхватила Нелли, — Валик он такой, такой. У него там пошли дела, и он не забыл про тебя, ценишь? И как совпало всё, —новостная Нелли назойливо преграждала дорогу Пашке, но он смог пройти на кухню, отстаивая каждый метр узкого и длинного коридора.

Чуть оттолкнув её, Пашка устало плюхнулся на крайний стул у входа, согнулся, обхватив обеими руками свою голову.

— Ты ничего не отвечаешь. Почему? — Нелли требовательно поставила руки в боки.

— А ты почему не помнишь, что завтра должно было быть заседание по моей разработке?

— Как это я не помню? Помню! И если ты не заметил, я билеты взяла на послезавтра, а могла бы и на завтра, если бы не помнила, — Нелли обиженно покачалась перед Пашкой. Он не смотрел на неё, всё так же сидел, обхватив голову руками и смотрел в пол.

— Что значит должно было быть? — вдруг спохватилась Нелли, — То есть его не будет? Что за дичь? Павел, ответь мне! — она обхватила голову Пашки обеими руками и пыталась поднять её так, чтобы увидеть его лицо. При этом руками больно сжимала его уши.

Пашка сопротивлялся и уворачивал лицо. Потом резко вскочил и аккуратно отодвинул Нелли к шкафу:

— Нелли, довольно. Я спать. И билеты сдай. Я никуда не полечу. — он тихо прошуршал по длинному коридору.

Нелли от растерянности тараторила ему вслед ничего не значащие фразы:

— Это дичь, ты в себе? Что такое не полечу? Куда сдать? — она не собиралась останавливаться.

У Пашки сильно давило голову и плечи от всего случившегося. В конце коридора, около входа в спальню, он вяло развернулся к Нелли и равнодушным тоном сказал:

— Займись там корректировкой-балансировкой, ну ты поняла... завтра не трогай меня. У меня выходной. — Пашка развернулся ко входу в спальню, сделал два шага в комнату и лесоповально упал на идеально заправленную кровать.

Совет назначили на четырнадцатое мая. Несколько месяцев ожиданий тянулись медленно и болезненно. Перенос совета неожиданно сильно подкосил Пашку. Он видел в своём изобретении огромный потенциал для всей страны, а его просто сдвинули, тем самым давая понять, что не так уж он много и значит в научной среде. Обида, то медленно перерастала в гнев, то отступала, а потом начала засматриваться на ненависть.

Пашка был вымотан и истрёпан этими внутренними боями. Он категорически не отвечал на звонки Валентина. И не открывал его сообщения. Хотя уже, по видимым словам, было понятно, Валентин там хорошо устроился и о друге не забыл. Ну или о гении своего друга, как язвила неутомимая Нелли Егоровна. Она была против Сингапура, против Валентина, против Нелли-невесты и утверждала, что эти так просто не отступятся. Но мать не позволит использовать её умного и талантливого сына.

На фоне происходящих баталий отношения с Нелли стали невыносимыми. Она, на протяжении двух недель после случившегося, требовала от Пашки немедленно принять решение о поездке к Валентину.

Пашка, устал объяснять почему он не будет этого делать. Нелли же любую тему филигранно переводила в «вот видишь, я говорю надо лететь к Валику». Когда в очередной раз она проговорила эту жутко раздражающую Пашку фразу, он не сдержался и с криком: «Баста!», резко ударил кулаком в стену, совсем рядом с лицом Нелли. Она ахнула и притихла. Фразы этой больше не говорила, вообще стала мало говорить, моталась целыми днями по городу и стала странно шёлковой.

Пашка это заметил, но значения не придавал.

Утром восьмого мая, совершенно размотанный Пашка, устало перерыл коридорный шкафчик, затем перебрался в спальню и переворошил прикроватные тумбочки, когда он добрался до своего рабочего стола, проснулась Нелли и раздражённо спросила, что он ищет.

— Ключи от машины где? — грубо и коротко отрезал Пашка.

Нелли сонная, с неотутюженным безмакияжным лицом, и от того совсем не привлекательная, резко подскочила с кровати.

— Пашутка, ну ты что? Ты заработался совсем. Вот поэтому я тебе и говорила про отпуск... — Нелли замолчала, проверяя реакцию Пашки на её намеки. Руками она уже обхватила его за талию и пыталась своим помятым носиком пощекотать Пашуткину щёку.

Пашка стоял как вкопанный, на ласки невесты не реагировал, голову повернул к окну. Затем медленно расцепил её руки и так же медленно, сдерживая свой гнев, сказал:

— Ключи от машины, где, я спросил?

— В ремонте машина. Я тебе говорила, — надменно ответила Нелли. Она оскорбилась таким отношением и забралась обратно в кровать, спряталась почти с головой под шёлково-шоколадное одеяло.

Пашка вспомнил, что вчера Нелли не заехала за ним после работы, как бывает, когда она берёт машину в пользование. Позвонила и сообщила, что сдаёт машину в ремонт, а сама у подружки до вечера. Пашке пришлось добираться на метро, что сильно разозлило его. Вечер он провёл на кухне, в уединении со своими расчётами. Нелли вернулась около полуночи, весёлая и какая-то взрывная, но равнодушная к Пашке. Сразу ушла спать. Предварительно поинтересовалась во сколько он завтра вернётся с работы.

Пашка буркнул, что вернётся как обычно, про машину выяснять он не хотел. А через два часа, когда Пашка укладывался спать, он уже и вовсе не помнил о ремонте. Его сильно беспокоило, то, что перенос заседания по его разработке на такой долгий период может означать завуалированный отказ. Ещё семь дней до священной для Пашки даты. Всё станет ясно. Ожидания съедали его.

От Нелли в такой трудный для него период не было и слова поддержки, от чего Пашкина обида возвела сама себя в двойную степень. Где-то в глубине души Пашка верил, что Нелли опомнится и станет его верной соратницей на пути к инновационному изобретению.

Но пока всё свидетельствовало об обратном. Утренний разговор с Нелли о потерянных ключах выдал в ней холодный и неестественный тон. Это означало, она не соратник. А значит Пашка, один против всех. Точнее, множество врагов ополчились на изобретателя и нет никого, кто бы был ему заступником. Вот с таким настроением шагал Пашка в свой институт на работу восьмого мая.

У входной группы, ещё издали, он заметил Ольгу, свою помощницу. Она плохо видела без очков, но пыталась всматриваться вдаль, крутила головой то на пешеходную дорогу, то на въезд для машин. Высматривала кого-то. Было видно, что она крайне встревожена.

«Вот, мой единственный верный друг», — подумал Пашка. Ольга в это момент узнала его по неясному облику и мышинной трусцой тревожно побежала на встречу, размахивая стопкой бумаг.

— Павел, Павел Яковлевич... — Ольга остановилась перед Пашкой и вдохнув побольше воздуха продолжила, — Ты только не волнуйся... — протянула ему распечатки.

Пашка глянул по диагонали на первую страницу и обомлел. Всё что надо он понял.

Известный международный научный журнал, освещающий разработки в теме альтернативных источников энергии и прочие подобные разработки, выпустил статью, презентующую успешный успех пенсильванского ученого о разработках того же плана, какими занимался и Пашка.

— Как это возможно? — глупо спросил Пашка.

— Павел, ты только не волнуйся. Я всё прочитала, они там конечно не раскрывают всех нюансов, но я поняла по некоторым оговоркам, что у них нет устойчивых результатов в испытаниях. Они как обычно, забывают первое место с сырыми результатами.

Пашка уже не слушал утешения помощницы, он сел прямо на бордюр, опустил голову на колени, листами прикрыл затылок. Оля, как мышка, юркала то справа, то слева, пытаясь пристроиться, чтобы успокоить Пашку, объяснить ему, что не всё потеряно. Что через несколько дней он заявит свою разработку и они сразу подадут на патент и заявят статью в другой не менее значимый журнал. Что есть пути. Что у тех вообще недоработано, а всего лишь громкое заявление.

Пашка не слышал.

Его инженерная карьера дала огромную трещину.

— Павел, пойдём в лабораторию, там всё обсудим, — Ольга мягко взяла Пашку под локоть и слегка потянула вверх, призывая его подняться.

На удивление, Пашка тут же отреагировал, покачиваясь неустойчивой походкой, сопровождаемый Ольгой, он побрёл в лабораторию.

Они пили чай. Родная лаборатория казалась Пашке чужой и опустевшей. Из неё пропал дух инноваций. Вот ещё вчера этот дух был здесь. А сегодня он переместился за океан к неизвестному пенсильванскому учёному.

Пашка хлюпал чаем, задумчиво смотрел в одну точку поверх кружки. Ольга сидела рядом, сочувствовала и поддерживала.

Оба услышали звуки знаменитого шарканья Степан Степаныха. День был предпраздничный и почти все сотрудники были сегодня на удалёнке. Ольга и Пашка договорились без выходных заниматься разработкой, дорабатывать, перепроверять, оттачивать доклад. Но что делал на рабочем месте начальник?

Дверь распахнулась. Краснолицый Степан Степаных шаркая влетел в лабораторию:

— Мазов, Курьева, вы на месте! До вас не дозвониться. А, вижу, уже читаете статейку..., — Степан Степаных мотнул головой на распечатки, небрежно разбросанные на столе, — Понятно, понятно. И что вы прикажите мне делать? Я не могу допустить совет по вашей теме. Только при условии, что вы превзойдёте их разработку. — Слово «их» он сказал чуть тише, чем все остальные слова, видимо опасаясь «ушастых» стен.

Пашка расфокусированным взглядом смотрел на начальника. Равнодушие смешалось с тем чувством, когда ледяная ненависть захватывает сердце.

Ольга же держалась и начала переговоры, стараясь спасти положение:

— Степан Степанович, я изучила статью, да, не детально, но уже сейчас можно сделать выводы, что заявленный успех преждевременен. Они ссылаются на расчёты, но, если бы у них был чёткий результат, они бы первым делом выписали его. А у нас тесты и чёткие цифры, вы посмотрите. У нас индекс преобразования вибраций Шумана в энергию видите какой..., — Оля ткнула пальцем в распечатку. — И это мы ещё на маленьких площадях тестируем. По расчётам Павла Яковлевича, если будет финансирование, изобретение покажет мощные возможности. Это прорыв в энергетике!!! Дайте нам это вам доказать..., — и уже тихим голосом мышки Ольга поговорила, — пожалуйста, Степан Степанович, не отменяйте заседание.

Начальник от пыла и искренности Курьевой смягчился, даже стал менее красным на лицо. Покряхтел, потирая лоб.

— Ребята, не могу вам всего сказать. Но не раньше сентября. Так вот..., я тоже птица подневольная. Не могу пропустить вашу работу, — он поднял глаза к потолку на что-то намекая. Пашка не увидел этого намёка, потому что сидел и смотрел в пустоту. Ольга же заметила, но никак не могла понять на кого это начальник намекает.

— Не всё так просто. Нам надо вторыми быть ... понимаете? — неожиданным вопросом закончил свои намёки Степан Степаных.

— Нет, — по-пионерски звонко ответила Ольга.

— Ну и не надо вам. Давайте, друзья мои, корректировкой там займитесь, балансировкой. К сентябрю чую я, там все это решится, и вы выйдете на арену. А как хорошо бы, чтобы вы уже переплюнули этих янки, — Степан Степаных начал было потирать руки, одёрнул себя и резво убрал руки в карманы своего потрепанного круглогодичного пиджачка.

— Ну как без финансирования-то, — тихо и грустно парировала ему Оленька, — Мы так ждали, чтобы получить поддержку и увеличить площадь приёма и охвата, в этом случае мы получим ощутимые результаты. Вы что не понимаете? Мы выйдем сразу вперёд.

— Нельзя сейчас вперёд, надо подождать, — Степан Степаныч сделал не характерный для себя жест, сочувственно похлопал Пашку по плечу, развернулся и быстро удалился шаркающей походкой.

Рядом с первой трещиной в Пашкиной инженерной карьере появилась вторая трещина. Она быстро стремилась вниз и в какой-то момент встретилась с первой, огромный кусок отвалился.

— Погоди горевать, Павел, давай сейчас пойдём по домам и завтра начнём обдумывать план действий. Я не верю, что нет выхода, — Ольга как могла подбадривала учёного.

— Так! Мне надо позвонить, где телефон мой, — Пашка шарил по карманам, осмотрел глазами стол.

Ольга протянула ему его же рюкзачок:

— Скорее всего он там.

— Ага, точно! — Пашка набрал номер Нелли. Короткие гудки сбросили вызов. Он повторил три раза, результат не изменился. — Странно. Олька, я уеду на какое-то время в Сингапур. Сейчас напишу заявление на отпуск, ты его после праздников подпиши. Сможешь?

Ольга быстро и мелко кивнула.

— А зачем ты туда поедешь? — тихо спросила Ольга, она всегда понижала голос, если ей казалось, что она нарушает чьи-то границы.

— По делам, Олёк, по-де-лам, — Пашка уже быстро строчил заявление, потом собирал какие-то бумаги в рюкзачок, поэтому отвечал рассеяно. Когда Пашка закончил сборы, он надрывно кашлянул, — Отдохнуть надо от этого бреда. Чао, соратник, — шагая к выходу, не оборачиваясь, он помахал растерянной Ольге.

Нелли Егоровна трезвонила на телефон сына без перерыва. Семнадцать пропущенных и мигающий восемнадцатый никак не мешали Пашке оставаться в пьяном забытии. Он, свернувшись кривенькой спал на самом уголке кровати, телефон лежал рядом и беззвучно семафорил.

Каким образом энергичная Нелли Егоровна уже знала две ужаснейшие новости из жизни Пашки, было ведомо только ей одной. Одну из этих новостей не знал даже сам Пашка.

С него было довольно и одной ужасной новости, по случаю оной, придя домой, он решил выпить, припасённым коньяком, до беспамятства. Что успешно и реализовал всего несколькими глотками.

Под мигание двадцатого пропущенного звонка матери, Пашка пошевелился, перестраиваясь из залежалой позы, повернулся и рухнул с угла кровати на пол. Выскреб сознание из тумана. Посмотрел на мигающий телефон. На настенные часы, они показывали 20:07. Снова на телефон. Медленно взял его и поднёс к уху.

— Да, мама.

— Паша, ты свёл меня с ума! — мать кричала голосом, поставленным на надрыв так, что у Пашки затянуло связки.

— Шшштооо ты так кричишшь? — шёпотом в трубку проговорил Пашка.

— Учти сын, я вызвала к тебе Ольгу, она ответственная и серьёзная. Обещала скоро быть у тебя. Я на даче, ни уехать, ни приехать, ты не отвечаешь на звонки. Я сделала себе нервные нервы! А ему нет дела до матери, — Нелли Егоровна замолчала, давая слово Пашке.

Пашка молчал. Хотя нет, он скорее мычал в трубку. Выпил он немного, но развезло его знатно. Это было больше похоже на нервный срыв, чем на опьянение. Перед тем как вернуться домой, Пашка таскался по улице, трезвонил безуспешно Нелли, и накручивал себя обидой на весь научный мир до красного накала.

— Павел, Павел! Ты хоть что-то понимаешь? — Нелли Егоровна не унималась, — Ольга будет звонить в дверь, открой ей.

— Мааа, какая Ольга. Я сплю. Завтра я улетаю с Неллечкой...

— Павел!!! — Нелли Егоровна громко прикрикнула в трубку, — ты никуда завтра не улетаешь. Твоя Неллечка совершила то, о чём я тебе твердила постоянно. Она продала твою машину, забрала всё, что могла из дома и умотала к этому полосатому Валику.

— Полосатому? А почему он полосатый? — до Пашки ещё не дошла суть сказанного матерью и его мозг застрял на вопросе полосатости Валентина.

— Да потому что он котяра жвачная. Ты что не слышишь меня?

— Слышу, — пробормотал Пашка, поднимаясь с пола и уже осознавая сказанное матерью. — Нелли уехала? Ты откуда это знаешь? — мозг учёного нащупал привычную тропу расследования причинно-следственных связей.

— Сима Григорьева, ты её не знаешь, это дочь моей давней приятельницы Елизаветы Борисовны, встретила твою Неллечку-качалку в аэропорту. Оказалось, у них один рейс. Та сообщила, что летит к любовнику. Хвасталась, как удачно продала свою машину перед самым отъездом. Симочка по прилёту рассказала Елизавете Борисовне о новой знакомой. А у Елизаветы нюх, как у орла. Она сразу почуяла, не наша ли это качалка. Позвонила мне. Я отправила фото качалки Елизавете Борисовне и что ты думаешь? Симочка подтвердила! Это наша воровка! Ты слышишь? — мать опять кричала тем самым надрывным голосом, от которого у Пашки сводило связки.

Пашка сбросил звонок матери. Медленно, как в фильме ужасов, когда под тревожную музыку нагнетается атмосфера, набрал номер Нелли. Гудки были уже длинные. Но вызов Нелли сбросила.

Через минуту перезвонила по видеосвязи. Паша трясущейся рукой нажал на ответить.

— Пашутка, ты меня должен понять.

— Ты где? Ты действительно в Сингапуре? — Пашка спросил ледяным тоном. Его сердце надеялось, что всё это какой-то глупый розыгрыш.

Нелли безжалостно ответила:

— Да, Павел, я улетила в Сингапур... — после пятисекундного молчания, она продолжила уже скороговоркой, — Ты не обращал внимания на меня. Ты не слышал, что я хочу жить в другой стране. Валик, он услышал. — Нелли помолчала, ожидая ответа.

Его не последовало. Пашка держал телефон с Нелли, облокотившись на кровать. Молчал и понимал, вот сейчас его личная жизнь полностью скрылась под обломками наивности.

Уже совсем уверено Нелли завершила неприятный разговор убойной для Пашки фразой:

— Я считаю, что имею право на отступные от тебя. Машину я продала и наличные из сейфа я забрала. Я их отработала честно. Целую. И не молчи. Я всё тебе искренне рассказала.

Пашка молчал.

Нелли ещё пару раз потребовала о него хоть какой-то реакции. Пашка молчал. Она послала ему воздушный поцелуй и отключилась.

Если бы в этот момент в дверь не позвонила Ольга, Пашка бы умер под тяжестью обрушившейся жизни.

От звонка он встrepенулся. Слишком легко добежал до входной двери и стремительно распахнул её. Ольга тревожно смотрела на Павла. А Пашка схватил её в объятия.

Они стояли молча в проёме входной двери. Маленькая Олька и высокий Пашка, трясущийся от сдерживаемых рыданий.

Пашка открыл глаза. В его голове стучал кузнечный молот. А в теле ощущение утекающей энергии через «дырку» в центре груди. Олька, мягко укутанная тем самым шёлково-шоколадным одеялом, спала рядом. Для Пашкиного взгляда было странно видеть маленькую Ольку в своей кровати, вместо красавицы Нелли. Даже дико.

Он быстро оделся. Сунул машинально телефон в карман и вышел из квартиры, не закрыв дверь.

Прохладное Питерское утро бодрило, гуляющих вдоль канала Грибоедова было не много. Люди ещё спали или только просыпались и завтракали.

Пашка шагал вдоль канала в сторону храма Спаса-на-Крови. Он шагал интенсивно, чтобы опережать те мрачные мысли, которые его преследовали. Проходя мимо арки одного из домов, он услышал детский голос:

— Папа, этот дядя тоже солдат, который воевал и погиб?

Пашка вздрогнул. «Погиб. Точно! Я погиб, воевал и погиб» и с каждым шагом в голове он повторял: «Воевал. Погиб. Воевал. Погиб».

Уже чуть слышно в спину ему долетело: «Машенька, это живой дядя идёт на парад».

Пашка остановился, посмотрел на серые воды канала и сам себе сказал: «Нет уж, погиб. Погиб, так погиб».

В памяти всплыл вчерашний вечер. Он в объятьях Ольги и её слова: «Павел, мы начнём жизнь сначала. Вот увидишь всё получится». Её поцелуи, непривычные для его тела. И опять слова: «У нас получится. Вот увидишь».

Пашке стало так тошно. Тяжесть и мрачные мысли его догнали и опутали.

Дальше всё было, как в тумане. Храм. Звон колоколов. Прыжок. Вода.

Холодная пучина закручивала Пашку на дно. Глубина здесь была не более трех с половиной метров, но Пашка погружался и погружался, словно там было метров двести, а то и все четырёхста. Вскоре, вся масса воды превратилась в огромную плотную воронку, Пашка безвольно наматывал обороты и всё ближе подбирался к самому дну.

В какой-то момент скорость вращения воронки начала бешено возрастать. Казалось, что Пашка находится одновременно в каждой точке вращения.

У самого дна воронка с шумом выплюнула Пашку в чёрную нору, которая образовалась от этого бешеного подводного смерча. Пашка летел, превышая скорость света, по этой бездонной норе. Но летел он куда-то вверх. Как такое могло быть? Он не думал об этом. Он ни о чём уже не думал, ничего не вспоминал, ничего не чувствовал. Это было великое состояние ничто, которое одновременно с чёрной норой, увлекало Пашку в бесконечные высоты самого себя.

— Великое Ничто — это нисхождение до самого глубокого дна, его изнанкой является восхождение на самую высокую вершину.

Пашка вздрогнул от этих слов. В этот момент его сознание включилось, подобно вспыхнувшей лампочке...